

В. С. Соловьев

**Собрание сочинений В.С.
Соловьева в 10 томах**

Том VII. (1892-1897)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С60

Соловьёв В.С.
С60 Собрание сочинений В.С. Соловьёва в 10 томах: Том VII. (1892-1897) / В. С. Соловьёв – М.: Книга по Требованию, 2013. – 395 с.

ISBN 978-5-458-53157-3

Владимир Сергеевич Соловьёв — русский философ, поэт, публицист, литературный критик конца XIX века. Стоял у истоков русского «религиозного возрождения» в среде русской творческой интеллигенции начала XX века. Оказал влияние на религиозную философию Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Н. и Е. Н. Трубецких, П. А. Флоренского, С. Л. Франка, а также на творчество поэтов-символистов — А. Белого, А. Блока и др.

ISBN 978-5-458-53157-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Содержаніе.

	Стр.
Смысль любви (1892—1894)	3
Предисловіе къ книгѣ Э. Гёрней, Ф. Майерсъ и Ф. Подморъ „Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія“ (1893).	63
Первый шагъ къ положительной эстетикѣ (1894)	69
Буддійское настроеніе въ поэзіи (1894)	81
Современное состояніе вопроса о медиумизмѣ (1894)	100
Поэзія Ф. И. Тютчева (1895)	117
Поэзія гр. А. К. Толстого (1895)	135
Русскіе символисты (1895).	159
„Оттуда“. Разказы Сергѣя Норманскаго (1895)	173
Рецензія на книгу Вундта (1895). . .	177
Когда жили еврейскіе пророки? (1896).	180
Магометъ, его жизнь и религіозное ученіе (1896)	203
Византизмъ и Россія (1896) .	285
Поэзія Я. П. Полонскаго. Критическій очеркъ (1896)	329
Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ (1896).	354
Памяти императора Николая I (1896)	377
Миръ Востока и Запада (1896).	381
Изъ Московской губерніи. Письмо въ редакцію „Вѣстника Европы“ (1897)	385
Примѣчанія редактора	388

СМЫСЛЪ ЛЮБВИ.

1892—1894.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

(Предварительныя замѣчанія.)

I.

Обыкновенно смыслъ половой любви полагается въ размноженіи рода, которому она служитъ средствомъ. Я считаю этотъ взглядъ нецѣльнымъ — не на основаніи только какихъ-нибудь идеальныхъ соображеній, а прежде всего на основаніи естественно-историческихъ фактовъ. Что размноженіе живыхъ существъ можетъ обходиться безъ половой любви, это ясно уже изъ того, что оно обходится безъ самого раздѣленія на полы. Значительная часть организмовъ, какъ растительнаго, такъ и животнаго царства, размножается бесполомъ образомъ: дѣленіемъ, почкованіемъ, спорами, прививками. Правда, высшія формы обихъ органическихъ царствъ размножаются половымъ способомъ. Но, во-первыхъ, размножающіеся такимъ образомъ организмы, какъ растительные, такъ отчасти и животные, *могутъ* также размножаться и бесполомъ образомъ (прививка у растеній, партеногенезисъ у высшихъ наѣжкомыхъ), а во-вторыхъ, оставляя это въ сторонѣ и принимая, какъ общее правило, что высшіе организмы размножаются при посредствѣ полового соединенія, мы должны заключить, что этотъ половой факторъ связанъ не съ размноженіемъ вообще (которое можетъ происходить и помимо этого), а съ размноженіемъ *высшихъ* организмовъ. Слѣдовательно, смыслъ половой дифференціаціи (и половой любви) слѣдуетъ искать никакъ не въ идеѣ родовой жизни и ея размноженія, а лишь въ идеѣ высшаго организма.

Разительное этому подтвержденіе мы находимъ въ слѣдующемъ великомъ фактѣ. Въ предѣлахъ животныхъ, размножающихся исключительно половымъ образомъ (отдѣлъ позвоночныхъ), тѣмъ выше поднимаемся мы по лѣстницѣ организмовъ, тѣмъ сила размноженія

становится меньше, а сила полового влеченія, напротивъ, больше. Въ низшемъ классѣ этого отдѣла — у рыбъ — размноженіе происходитъ въ огромныхъ размѣрахъ: зародыши, порождаемые ежегодно каждою самкою, считаются милліонами; эти зародыши оплодотворяются самцомъ *въ тѣлѣ* самки, и способъ, какимъ это дѣлается, не позволяетъ предполагать сильнаго полового увлеченія. Изъ всѣхъ позвоночныхъ животныхъ этотъ хладнокровный классъ несомнѣнно болѣе всѣхъ размножается и менѣе всѣхъ обнаруживаетъ любовную страсть. На слѣдующей ступени — у земноводныхъ и гадовъ — размноженіе гораздо менѣе значительно, чѣмъ у рыбъ, хотя по нѣкоторымъ своимъ видамъ этотъ классъ не безъ основанія относится Библией къ числу существъ, кипима кипащихъ (*шерецъ ширцу*); но при меньшемъ размноженіи мы уже находимъ у этихъ животныхъ болѣе тѣсныя половыя отношенія. У птицъ сила размноженія гораздо меньше не только сравнительно съ рыбами, но и сравнительно, наприм., съ лягушками, а половое влеченіе и взаимная привязанность между самцомъ и самкою достигаютъ небывалаго въ двухъ низшихъ классахъ развитія. У млекопитающихъ — они же живородящія — размноженіе значительно слабѣе, чѣмъ у птицъ, а половое влеченіе хотя у большинства менѣе постоянно, но зато гораздо интенсивнѣе. Наконецъ, у человѣка, сравнительно со всѣмъ животнымъ царствомъ, размноженіе совершается въ наименьшихъ размѣрахъ, а половая любовь достигаетъ наибольшаго значенія и высочайшей силы, соединяя въ превосходной степени постоянство отношеній (какъ у птицъ) и напряженность страсти (какъ у млекопитающихъ). Итакъ, половая любовь и размноженіе рода находятся между собою *въ обратномъ отношеніи*: чѣмъ сильнѣе одно, тѣмъ слабѣе другая. Вообще все животное царство съ рассматриваемой стороны развивается въ слѣдующемъ порядкѣ. — Внизу огромная сила размноженія при полномъ отсутствіи чего-нибудь похожаго на половую любовь (за отсутствіемъ самаго дѣленія на полы); далѣе, у болѣе совершенныхъ организмовъ, появляется половая дифференціація и соотвѣтственно ей нѣкоторое половое влеченіе — сначала крайне слабое, затѣмъ оно постепенно увеличивается на дальнѣйшихъ степеняхъ органическаго развитія, по мѣрѣ того какъ убываетъ сила размноженія (т. е. въ прямомъ отношеніи къ совершенству организаціи и въ обратномъ отношеніи къ силѣ размноженія), пока наконецъ на самомъ верху — у человѣка является возможною сильнѣйшая половая любовь, даже съ пол-

нымъ исключеніемъ размноженія. Но если такимъ образомъ на двухъ концахъ животной жизни мы находимъ съ одной стороны размноженіе безъ всякой половой любви, а съ другой стороны половую любовь безъ всякаго размноженія, то совершенно ясно, что эти два явленія не могутъ быть поставлены въ неразрывную связь другъ съ другомъ, — ясно, что каждое изъ нихъ имѣетъ свое самостоятельное значеніе, и что смыслъ одного не можетъ состоять въ томъ, чтобы быть средствомъ другого. То же самое выходитъ, если разсматривать половую любовь исключительно въ мірѣ человѣческомъ, гдѣ она несравненно болѣе, чѣмъ въ мірѣ животномъ, принимаетъ тотъ индивидуальный характеръ, въ силу котораго *именно это* лицо другого пола имѣетъ для любящаго безусловное значеніе, какъ единственное и незамѣнимое, какъ цѣль сама въ себѣ.

II.

Тутъ мы встрѣчаемся съ популярною теоріей, которая, признавая вообще половую любовь за средство родового инстинкта, или за орудіе размноженія, пытается въ частности объяснить индивидуализацію любовнаго чувства у человѣка какъ нѣкоторую хитрость или обольщеніе, употребляемое природою или міровою волей для достиженія ея особыхъ цѣлей. Въ мірѣ человѣческомъ, гдѣ индивидуальные особенности получаютъ гораздо больше значенія, нежели въ животномъ и растительномъ царствѣ, природа (иначе — міровая воля, воля въ жизни, иначе — бессознательный или сверхсознательный міровой духъ) имѣетъ въ виду не только сохраненіе рода, но и осуществленіе въ его предѣлахъ множества возможныхъ частныхъ или видовыхъ типовъ и индивидуальныхъ характеровъ. Но кромѣ этой общей цѣли — проявленія возможно полнаго разнообразія формъ — жизнь человѣчества, понимаемая какъ историческій процессъ, имѣетъ задачей возвышеніе и усовершенствованіе человѣческой природы. Для этого требуется не только, чтобы было какъ можно больше различныхъ образчиковъ человѣчества, но чтобы являлись на свѣтъ *лучшіе* его образчики, которые цѣнны не только сами по себѣ, какъ индивидуальные типы, но и по своему возвышающему и улучшающему дѣйствію на прочихъ. Итакъ, при размноженіи человѣческаго рода та сила, — какъ бы мы ее ни называли. — которая двигаетъ міровымъ и историческимъ процессомъ, заинтересована не въ томъ только, что-

бы непрерывно нарождались человѣческія особи по роду своему, но и въ томъ, чтобы нарождались *эти* опредѣленные и по возможности значительныя индивидуальности. А для этого уже недостаточно простого размноженія путемъ случайнаго и безразличнаго соединенія особей разнаго пола: для индивидуально-опредѣленнаго произведенія необходимо сочетаніе индивидуально *опредѣленныхъ* производителей, а слѣдовательно недостаточнымъ является и общее половое влеченіе, служащее воспроизведенію рода у животныхъ. Такъ какъ въ человѣчествѣ дѣло идетъ не только о произведеніи потомства вообще, но и о произведеніи *этого* наиболѣе пригоднаго для міровыхъ цѣлей потомства, и такъ какъ данное лицо можетъ произвести это требуемое потомство не со всякимъ лицомъ другого пола, а лишь съ однимъ опредѣленнымъ, то это одно и должно имѣть для него особую притягательную силу, казаться ему чѣмъ-то исключительнымъ, незамѣнимымъ, единственнымъ и способнымъ дать высшее блаженство. Вотъ это-то и есть та индивидуализація и экзальтація полового инстинкта, которою человѣческая любовь отличается отъ животной, но которая, какъ и та, возбуждается въ насъ чуждою, хоть можетъ быть и вышею силою для ея собственныхъ, постороннихъ нашему личному, сознанію цѣлей, — возбуждается какъ ирраціональная роковая страсть, овладѣвающая нами и исчезающая какъ миражъ по минованіи въ ней надобности ¹.

Если бы эта теорія была вѣрна, если бы индивидуализація и экзальтація любовнаго чувства имѣли весь свой смыслъ, свою единственную причину и цѣль внѣ этого чувства, именно въ требуемыхъ (для міровыхъ цѣлей) свойствахъ потомства, то отсюда логически слѣдовало бы, что степень этой любовной индивидуализаціи и экзальтаціи или сила любви находится въ прямомъ отношеніи со степенью типичности и значительности происходящаго отъ нея потомства: чѣмъ важнѣе потомство, тѣмъ сильнѣе должна бы быть любовь родителей, и, обратно, чѣмъ сильнѣе любовь, связывающая двухъ данныхъ лицъ, тѣмъ болѣе замѣчательнаго потомства должны бы мы были

¹ Я изложилъ общую сущность отвергаемаго мною взгляда, не останавливаясь на второстепенныхъ видоизмѣненіяхъ, которыя онъ представляетъ у Шопенгауэра, Гартмана и др. Въ недавно вышедшей брошюрѣ „Основной двигатель наслѣдственности“ (Москва 1891) Вальтеръ пытается историческими фактами доказать, что великіе люди являются плодомъ сильной взаимной любви.

ожидать отъ нихъ по этой теоріи. Если вообще любовное чувство возбуждается міровою волею ради требуемаго потомства и есть только *средство* для его произведенія, то понятно, что въ каждомъ данномъ случаѣ сила средства, употребляемаго космическимъ двигателемъ, должна быть соразмѣрна съ важностью для него достигаемой цѣли. Чѣмъ болѣе міровая воля заинтересована въ имѣющемъ явиться на свѣтъ произведеніи, тѣмъ сильнѣе должна она притянуть другъ къ другу и связать между собою двухъ необходимыхъ производителей. Положимъ, дѣло идетъ о рожденіи мірового гения, имѣющаго огромное значеніе въ историческомъ процессѣ. Управляющая этимъ процессомъ высшая сила, очевидно, во столько разъ болѣе заинтересована этимъ рожденіемъ сравнительно съ прочими, во сколько этотъ міровой гений есть явленіе болѣе рѣдкое сравнительно съ обыкновенными смертными, и слѣдовательно на столько же должно быть сильнѣе обыкновеннаго то половое влеченіе, которымъ міровая воля (по этой теоріи) обезпечиваетъ себѣ въ этомъ случаѣ достиженіе столь важной для нея цѣли. Конечно, защитники теоріи могутъ отвергать мысль о точномъ количественномъ отношеніи между важностью даннаго лица и силою страсти его родителей, такъ какъ эти предметы точнаго измѣренія не допускаютъ; но совершенно безспорно (съ точки зрѣнія этой теоріи), что если міровая воля *чрезвычайно заинтересована* въ рожденіи какого-нибудь человѣка, она должна принять *чрезвычайныя мѣры* для обезпеченія желаннаго результата, т. е. по смыслу теоріи должна возбудить въ родителяхъ *чрезвычайно сильную* страсть, способную сокрушить всѣ препятствія къ ихъ соединенію.

Въ дѣйствительности однако мы не находимъ ничего подобнаго, никакого соотношенія между силою любовной страсти и значеніемъ потомства. Прежде всего мы встрѣчаемъ совершенно необъяснимый для этой теоріи фактъ, что самая сильная любовь весьма часто бываетъ пераздѣленною и не только великаго, но и вовсе никакого потомства не производитъ. Если вслѣдствіе такой любви люди постригаются въ монахи или кончаютъ самоубійствомъ, то изъ-за чего же тутъ хлопотала заинтересованная въ потомствѣ міровая воля? Но если бы даже пламенный Вертеръ ² и не убилъ себя, то все-таки его не-

² Здѣсь и далѣе поясню свое разсужденіе примѣрами преимущественно изъ великихъ произведеній поэзіи. Они предпочтительнѣе примѣровъ изъ дѣйствительной жизни, такъ какъ представляютъ не отдѣльныя явленія, а цѣлыя типы.

счастливая страсть остается необъяснимою загадкою для теоріи квалифицированного потомства. Чрезвычайно индивидуализованная и экзальтированная любовь Вертера къ Шарлоттѣ показывала (съ точки зрѣнія этой теоріи), что именно съ Шарлоттою онъ долженъ былъ произвести особенно важное и нужное для человѣчества потомство, ради котораго міровая воля и возбудила въ немъ эту необыкновенную страсть. Но какъ же эта всевѣдущая и всемогущая воля не догадалась или не смогла подѣйствовать въ желанномъ смыслѣ и на Шарлотту, безъ участія которой страсть Вертера была вполне безцѣльной и непущной? Для телеологически дѣйствующей субстанціи *love's labour lost* есть совершенная нелѣпость.

Особенно сильная любовь большею частью бываетъ несчастна, а несчастная любовь весьма обыкновенно ведетъ къ самоубійству въ той или другой формѣ; и каждое изъ этихъ многочисленныхъ самоубійствъ отъ несчастной любви явно опровергаетъ ту теорію, по которой сильная любовь только затѣмъ и возбуждается, чтобы во что бы то ни стало произвести требуемое потомство, котораго важность знаменуется силою этой любви, тогда какъ на самомъ дѣлѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ сила любви именно исключаетъ самую возможность не только важнаго, но и какого бы то ни было потомства.

Случаи нераздѣленной любви слишкомъ обычны, чтобы видѣть въ нихъ только исключеніе, которое можно оставить безъ вниманія. Да если бъ и такъ, — это мало помогло бы дѣлу, ибо и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ особенно сильно любовь является съ обѣихъ сторонъ, она не приводитъ къ тому, что требуется теоріей. По теоріи, Ромео и Джульетта должны были бы соответственно своей великой взаимной страсти породить какого-нибудь очень великаго человѣка, по крайней мѣрѣ Шекспира, но на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, наоборотъ: не они создали Шекспира, какъ слѣдовало бы по теоріи, а онъ ихъ, и при томъ безъ всякой страсти — путемъ безполага творчества. Ромео и Джульетта, какъ и большинство страстныхъ любовниковъ, умерли, не породивъ никого, а породившій ихъ Шекспиръ, какъ и прочіе великіе люди, родился не отъ безумно-влюбленной пары, а отъ зауряднаго житейскаго брака (и самъ онъ хотя испытывалъ сильную любовную страсть, какъ видно между прочимъ изъ его сонетовъ, но никакого замѣчательнаго потомства отсюда не произошло). Рожденіе Христофора Колумба было, можетъ быть, для міровой воли еще важнѣе, чѣмъ рожденіе Шекспира; но о какой-нибудь особенной любви